

УДК 929 Вавилов Н.И.: 001. 85

«ПОСЛЕ ДРАКИ»
(послеюбилейные заметки)

А.В. ЖУРАВЕЛЬ

При изучении истории противостояния «вавиловцев» и «лысенковцев» необходимо преодолеть имеющиеся у оппонентов политические и методологические разногласия и личные антипатии. Без освобождения от внутреннего, присущему научному мышлению, идеологического и теоретического «тоталитаризма» новые поколения российских биологов не сумеют противостоять современным, приходящим извне, из политики, угрозам — прежде всего, угрозе превращения ГАЮ в оружие массового поражения.

Ключевые слова: Н.И. Вавилов, Т.Д. Лысенко, идеологизация науки, методология науки, интродукция культурных растений в СССР, ГАЮ как оружие массового поражения.

Появление данной публикации на страницах печатного органа МСХА вызвано тем, что год назад по заказу издательства «Де Агостини» я написал научно-популярный очерк о Николае Ивановиче Вавилове¹. Жесткие рамки издания — как жанровые, так и технические — вынудили меня тогда пойти на ряд существенных ограничений. Жанровые вытекали из самого названия серии — «Наша история. 100 великих имен». Технические требовали любой ценой уложиться — как по объему, так и по структуре — в очень строгую форму. Из-за такого прокрустова ложа ряд существенных проблем пришлось либо существенно «округлить», либо опустить вообще. Это привело к некоторым неточностям и даже ошибкам и вместе с тем к некоторой «апологетичности» очерка. И несмотря на то, что очерк людьми заинтересованными был оценен достаточно высоко, осталось чувство неудовлетворения и недосказанности. Поэтому, не отказываясь от ключевых положений своей работы, позволю себе как бы поспорить с самим собой и задать себе и единомышленникам Николая Ивановича Вавилова несколько «неудобных» вопросов.

Чем больше проходит времени, чем более крупной становится очередная юбилейная дата, тем меньший смысл имеют обычные в таких случаях призывы-пожелания «помахать после драки кулаками». Увы, бойцов, способных вспомнить «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они», становится все меньше и меньше.

Для поколений последующих важнее извлечь уроки из былых сражений, благо живут они в иные времена — в мире, кардинально изменившемся по сравнению с советской эпохой. Прежние мерки к нему уже совершенно не годятся, а старая линия баррикад безнадежно обветшала. Но старые бойцы, не замечая этого, привычно занимают свои места и продолжают — в научных статьях, воспоминаниях и устных рассказах — бороться с прежними врагами. Их понять можно, но выводы последующих поколений будут по неизбежности несколько иными.

Тема Николая Ивановича Вавилова, замечательного биолога и организатора науки, ставшего жертвой сталинских репрессий, уже в течение полувека является

¹ Журавель А.В. Николай Вавилов // Наша история. 100 великих имен. Вып. 69. М.: Де Агостини, 2011.

одной из наиболее жгучих. Само имя ученого на его современников и потомков действует как звук боевой трубы: одни готовы защищать Николая Ивановича «до последней капли крови», другие — столь же целеустремленно хулить его. При этом неизбежно встает образ его, так скажем, оппонента — Трофима Денисовича Лысенко, по мнению многих, прямо или косвенно виновного в гибели Вавилова.

Бескомпромиссности этого противостояния способствовало немало объективных и субъективных обстоятельств, делавших примирение противников практически невозможным. Помимо наиболее очевидного — жесткого диктата советской идеологии, вынуждавшей всех участников событий говорить и действовать весьма специфически, — следует упомянуть фактор, о котором ученые часто забывают: самой науке — причем не только советской! — свойственна собственная своего рода «тоталитарность». Общепринятая в каждой конкретной научной дисциплине теория сплошь и рядом воспринимается как «единственно верное учение», так что мнения еретиков, посмеявших в этом усомниться, клеймятся большинством ученых как ненаучные, как лженаучные и т.п.

В отечественной исторической науке, представителем которой я являюсь², такой характер приняло противостояние так называемых «норманистов» и «антинорманистов» (кем по национальности — скандинавом или нет — являлся Рюрик, стоявший у истоков русской государственности). В физике считается неприличным сомневаться в почти божественном авторитете Альберта Эйнштейна. В биологии XX в. такой характер приняло эволюционное учение Чарльза Дарвина, хотя современный дарвинизм, как я понимаю, существенно отличается от теории, что представил в своем знаменитом труде этот английский биолог. Противостоящий ему современный ламаркизм (в виде теории номогенеза) представляется неodarвинистам чистым недоразумением, стоящим вне рамок «настоящей науки». Примером такого противостояния в истории сельскохозяйственной науки может служить как раз конфликт между Н.И. Вавиловым, сделавшим ставку на развитие генетики, и Т.Д. Лысенко, стремившимся поднять на новый уровень традиционные виды селекции. В 1940—1950-е гг. их борьба переросла в противостояние «мичуринцев» и «вейсманистов-морганистов». Эта борьба классической генетики с ее критиками являлась, по сути, «сражением» ламаркистов и дарвинистов. Победа «лысенковцев» над генетиками оказалась пирровой, со второй половины 1950-х гг., с реабилитацией Н.И. Вавилова, за ними в науке закрепилась репутация лжеученых.

Между тем не все так просто. Есть основания предполагать, что и в биологии ситуация принципиально та же, что и в прочих науках: здоровые элементы имеются в рамках всех протиборствующих друг с другом концепций, но необходим новый синтез — создание теории нового поколения, способной устранить недостатки прежних теоретических построений.

Для этого биологам надо отрешиться от личных пристрастий и антипатий, от привнесенных извне взаимных ярлыков и отделить зерно от плевел, то есть факты от их толкований. И в этом отношении взгляд со стороны заинтересованного дилетанта может быть полезен. Свои суждения я выношу, наблюдая отчасти за особенностями развития исторической науки, отчасти за особенностями становления наук о природе. Предлагаемые аналогии, разумеется, не являются доказательствами, но

---

² Специально я занимаюсь русской средневековой историей и, в частности, историей древнерусского календаря: *Журавель А.В.* 1) Лунно-солнечный календарь на Руси: новый подход к изучению // *Астрономия древних обществ*. М., 2002; 2) «Аки молния в день дождя». Кн. 1: Куликовская битва и ее след в истории; Кн. 2: Наследие Дмитрия Донского. М., 2010.

оказываются неплохими маркерами, позволяющими лучше оценить современное состояние дел в науке.

На мой взгляд, современное естествознание в теоретическом отношении является огромным лоскутным одеялом. Несколько основных кусков, общих теорий, немало заплат, частных теорий-паллиативов, не столько объясняющих описываемое явление природы, сколько скрывающих отсутствие подлинного знания. Эти куски и заплаты соединены между собой большей частью искусственно — путем экстраполяции ранее созданных теорий на новые, ранее неизвестные явления природы. Но самое печальное состоит даже не в этом, а в почти всеобщем заблуждении: подавляющее большинство ученых искренне верят в то, что эти общие и частные теории являются столь же несомненными фактами, что и конкретный эмпирический материал, с помощью которых он был добыт. И поэтому многие из них свято верят в том, что если та или иная теория хорошо объясняет те или иные добытые наукой факты, то другая теория, по-иному их объясняющая, обязательно неверна.

Разумеется, при таком подходе ученые оказываются неспособными мыслить вне привычной системы координат и предпочитают напрочь отвергать все прочее по принципу чеховского неученого соседа — мол, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Теория в таких случаях превращается в идеологию, т.е. в явление не чисто научное, а общественное. Компромисса, общих точек соприкосновения найти из-за этого не удастся. Их, собственно, никто обычно и не ищет.

Между тем теории, по сути своей, являются всего лишь *более или менее удобными инструментами познания*, и потому все они по-своему и верны, и неверны. Даже в бреде сумасшедшего есть обычно рациональное зерно, а, по известному афоризму, гениальная (принципиально новая!) идея и должна быть по-своему сумасшедшей, то есть *должна* не укладываться в привычные мерки. Во многих случаях причина внешнего противостояния теорий заключается не столько в недостатке фактов, сколько в том, что не сформулирована (неточно сформулирована), способная их объединить, общая аксиоматическая предпосылка, обычно лежащая вне науки как таковой.

Маленький пример. Одной из ключевых аксиом физики является первый закон Ньютона, согласно которому тело при отсутствии внешних воздействий либо находится в покое, либо движется прямолинейно и равномерно. Но, извините, почему именно так? Еще в XV в. философ Николай Кузанский, утверждая принципиальное тождество бесконечной линии с кругом, треугольником и шаром, воспринимал «кривизну в максимальной линии» как «прямызну»³. «Прямызна» тем самым оказывается ничем иным, как частным случаем «кривизны». В таком случае первый закон следует переформулировать: ...либо находится в покое, либо движется равномерно по окружности. Но это означает, что противоречия между последователями Эйнштейна и критиками его теорий относительности исчезнут сами собой — просто потому, что надобности в этих теориях просто не будет. Я несколько раз высказывал эту мысль профессиональным физикам, но они лишь пожимали плечами: отмахнуться от неудобных вопросов намного проще, чем задуматься об основах физического знания.

Примерно так же, думаю, и обстоит дело в случае с основополагающими биологическими теориями. При наличии доброй воли многие спорные проблемы можно было бы снять, если обратиться к истокам.

Таким образом, при обсуждении круга вопросов, связанных с творчеством и судьбой Николая Вавилова, стоило бы вернуться к некому «нулевому варианту»,

---

³ Николай Кузанский. Сочинения. Т.1. М., 1979. С. 67.

то есть к тому моменту, когда оппоненты — Н.И. Вавилов и Т.Д. Лысенко — начинали свою научную деятельность. В эту эпоху, в 1920-е гг., генетика как самостоятельная наука лишь формировалась и внешне, казалось бы, противоречила дарвинизму. Во всяком случае У. Бейтсон, один из основоположников генетики, оказавший немалое влияние на становление Н.И. Вавилова как ученого, считал эти направления научной мысли несовместимыми друг с другом. Важно учитывать, что хромосомная теория Т. Моргана в тот момент только формировалась и не приобрела в глазах биологов, в том числе и Вавилова, статус общепринятого (единственно верного) учения. Даже после посещения лаборатории Моргана и поддержки со стороны Вавилова генетических исследований Николай Иванович, по всей видимости, не считал этот подход единственно возможным. Не этим ли объясняется его заинтересованность опытами молодого селекционера Трофима Лысенко? Да, опыты того по яровизации противоречили теории Моргана, но было ли это так уж существенно для Вавилова? На чем основана уверенность позднейших ученых, что Николай Иванович относился к ней как к незыблемой истине? А может, учение Моргана в его глазах было лишь одной из многообещающих теорий, что не исключает поиски в других направлениях?

То же касается и дарвинизма. Следует учитывать, что в 1920-х — первой половине 1930-х гг. шло формирование официозного, «марксистско-ленинского», учения естествознания. Особое значение имело издание в 1925 г. черновых заметок Фридриха Энгельса, известное под названием «Диалектика природы». В них и в письмах Маркса содержались одобрительные высказывания об учении Дарвина как аналоге Марксова материалистического понимания истории, но при этом подвергалась решительной критике ключевая дарвиновская формула о борьбе за существование как причине естественного отбора. В ней основоположники марксизма справедливо видели перенос мальтузианства на почву биологической науки.

Советские биологи в тот момент не могли не стать — даже поневоле — дарвинистами. Но каким именно является «правильное», «марксистское», толкование Дарвина? Профессиональным ученым даже при наличии желания в этом было разобраться сложно. Неудивительно, что в тех своеобразных условиях процветали шустрые молодые теоретики-«марксисты», стремившиеся освоить естествознание как новую сферу приложения марксистского учения и тем самым дать естественнонаучным знаниям «подлинно научное» толкование.

Печально известный Исая Презент совсем не случайно сначала пытался войти в доверие к Вавилову, надеясь стать его правой рукой и помочь этому «попутчику», «буржуазному специалисту», выработать требуемое обстоятельствами идеологическое обоснование его трудов. Не получилось — и Презент стал подручным Лысенко. Как знать, если бы Николай Иванович не пренебрег услугами этого теоретика, то, возможно, мы бы ничего не знали ни о «мичуринской агробиологии», ни о «вейсманизме-морганизме» и прочих «менделизмах», а, наоборот, были бы наслышаны о существовании особо прогрессивных ученых Вейсмани, Моргани и Мендели, которым буржуазные и религиозные «предрассудки» не помешали свершить великие открытия.

Н.И. Вавилов как крупный ученый и как организатор советской науки не мог в данном вопросе быть исключением, и поэтому вопрос о том, насколько искренним было принятие им учения Дарвина, нуждается в дополнительном исследовании. Многие русские — поневоле советские — историки в это время вынужденно изображали из себя марксистов, не от хорошей жизни «пересыпая» свои труды высказываниями живых и мертвых классиков марксизма.

Дело, таким образом, заключалось совсем не в особенностях биологических теорий, до которых руководителям СССР дела в общем-то не было. Имело значение само по себе идеологическое воздействие на науку, а уж какие конкретно формы оно примет — так ли уж это важно? Главное — выстроить ученых по ранжиру, чтобы те понимали, что они — всего лишь рядовые участники социалистического строительства, что их главная задача — обеспечить страну продовольствием.

И здесь мы подходим еще к одной «болевым точкам» обсуждений судьбы Н.И. Вавилова. Многие его сторонники, включая сына Ю.Н. Вавилова, склонны сводить дело к внутренним проблемам «красной биологии», а прежде всего к агрессивной деятельности рвавшегося к власти лжеученого Трофима Лысенко, а потому стремившегося оклеветать Николая Вавилова и опорочить генетику как научное направление, противостоящее искусственно созданной «мичуринской агробиологии».

Современные защитники Лысенко делают упор на совершенно ином: выбранное Н.И. Вавиловым направление развития сельскохозяйственной науки оказалось неспособным выполнить поставленную руководством страны политическую задачу — за короткий срок полностью обновить семенной фонд и тем самым резко повысить урожайность сельскохозяйственных культур. Именно поэтому И.В. Сталин в конечном счете сделал ставку не на теоретика Н.И. Вавилова, занятого прежде всего решением интересующих его лично научных проблем, а на практика Т.Д. Лысенко, теориям не придававшего существенного значения, но пообещавшего за короткий срок добиться поставленной партией стратегической цели. Расправа с Вавиловым и группой его сотрудников оказывалась тем самым естественным в ту жестокую эпоху следствием этого противоречия, а вовсе не результатом происков Лысенко и его сподвижников.

Спор о Вавилове до сих пор остается очень густо замешанным на идеологии: если сторонники Лысенко не скрывали и не скрывают своей симпатии к Сталину и к сталинской эпохе, то их противники традиционно придерживались демократических, часто прозападных, взглядов. Совсем не случайно, что первые публицисты, еще в 1960-е годы попытавшиеся всерьез заговорить о проблемах биологии и раскрыть обстоятельства гибели Н.И. Вавилова (С. Резник, М. Поповский, Ж. Медведев, В. Сойфер), рано или поздно эмигрировали из СССР. Тем самым, вольно или невольно, тема Н.И. Вавилова стала фактором идеологической борьбы СССР и стран Запада.

Ни одна из противоборствующих сторон, увы, не выглядит безукоризненной с точки зрения моральной. С Исаем Презентом и ему подобными в общем-то все ясно. Но в этом отношении отличился также «демократ» В.Н. Сойфер⁴, в 1960—1970-е гг. усиленно обхаживавший академика ВАСХНИЛ И.Е. Глуценко. Этого соратника Лысенко Сойфер, по-видимому, прельстил обещанием дать объективную картину в биологической науке и в полной мере воспользовался не только устными рассказами, но и архивом доверчивого ученого. Воспользовался так, что радиоэколог А.И. Глуценко, сын пострадавшего, пригрозил Сойферу судом за ложь и воровство⁵.

---

⁴ *Сойфер В.Н.* 1) Красная биология. М., 1998; 2) Власть и наука. М., 2002; 3) «Тень Ленина его усыновила...» (документальный детектив об одном Ленинском лауреате и советских генетиках). М., 2006.

⁵ *Глуценко А.И.* О книгах профессора биофизики и молекулярной генетики В.Н. Сойфера «Власть и наука» и «Тень Ленина его усыновила...» // URL: <http://rtg-risk.narod.ru/soifer.html>.

Словом, даже самая прекрасная цель не должна оправдывать гнусные средства. .. Если так, то и сторонникам Н.И. Вавилова следует всерьез рассматривать аргументы противоположной стороны, а не просто защищать честь мундира. В этом отношении полезно обратить внимание на труды «еретика» — многолетнего сотрудника ВИР В.И. Пыженкова, выпустившего несколько брошюр, впоследствии объединенных под одной обложкой. К сожалению, вышедшая под эгидой некоего журнала «Самообразование» небольшая книжка «Николай Иванович Вавилов — ботаник, академик, гражданин мира» стала также орудием идеологической борьбы: она является плодом деятельности не только названного ученого, но и безымянного редактора, по убеждениям ярого сталиниста. Последний не только «обложил» статьи Пыженкова своими материалами (весьма тенденциозными предисловием и подборкой документов), но и прямо «влез» — столь разговорные формы в данном случае вполне уместны — в авторский текст: «Редакцией проведена *адаптация* (так! — *А.Ж.*) текстов для более широкой аудитории. Комментарии и примечания в сносках, если иное не оговорено — редакционные»⁶. Наличие в основном тексте пассажей идеологического характера с прямыми ссылками на редакционные примечания — гораздо более многочисленные, чем авторские — прямо говорит о том, что с авторским текстом в этой книжке обходились совершенно бесцеремонно.

Неудивительно, что на сайте ВИР появилась отповедь Э.В. Трускинова⁷. Печально, однако, что своей язвительностью и желчностью этот автор существенно превзошел Пыженкова, даже в сталинистской «упаковке» его работ. Так уж получилось, что сначала я ознакомился именно с этой рецензией, а уж потом с труднодоступными работами Пыженкова, причем уже после написания своего очерка о Вавилове. Как ни печально, вынужден констатировать: «рецензия» Трускинова имеет меньшее отношение к науке, чем политизированные статьи Пыженкова. В ней с порога отвергается даже самая мысль о возможности критического отношения к «небожителям» типа Дарвина, Эйнштейна и Вавилова, а заодно нарочито оглупляется позиция оппонента — делается вид, что она не имеет почти никакой научной основы, так что в потоке правоверной ругани очень трудно отыскать элементы здоровой критики. Иными словами, в данном случае мы имеем типичный — вполне советский по форме — образчик чисто идеологической продукции.

Между тем В.И. Пыженков поставил ключевую проблему, от которой Э.В. Трускинов, по сути, отмахнулся: была ли альтернатива пути, избранному Вавиловым, в деле обеспечения СССР новыми, более высокоурожайными, сортами сельскохозяйственных культур? По мнению Пыженкова, была.

Как известно, Н.И. Вавилов поставил своей целью выявить основные центры происхождения культурных растений и, собрав там основные, часто некультурные, образцы, создать на их основе совершенно новые сорта, обладающие лучшими качествами по сравнению с уже имевшимися. Для этого он намеревался использовать и достижения бурно развивавшейся в тот момент генетики. Тем самым программа действий Н.И. Вавилова была ориентирована на будущее и не обещала немедленных результатов.

---

⁶ Николай Иванович Вавилов — ботаник, академик, гражданин мира. М., 2009. С. 7. Характерно, что в брошюре имя автора на обложку даже не вынесено.

⁷ Трускинов Э.В. Тени прошлого и настоящего: современные попытки дискредитации научного и гражданского наследия академика Н.И. Вавилова // URL: <http://www.vir.nw.ru/books/Trul.pdf>.

Однако Советский Союз, особенно в период «великого перелома», особенно во время сплошной коллективизации и страшного голода 1932-1933 гг., объективно нуждался именно в быстром внедрении высокоурожайных сортов: еще до столь драматичных поворотов отечественной истории, как революция и гражданская война, вопрос о полном обновлении семенного фонда страны стоял очень остро. На это вынуждала бы какие угодно власти — хоть царские, хоть самые что ни на есть демократические — происходившая в России с начала XX в. крестьянская революция⁸. Не смогла существенно смягчить остроту земельного голода в стране даже передача крестьянам помещичьих земель: компенсаторный прирост населения в 1920-е гг. быстро «съел» эту прибавку. Из-за этого лишь путем оптимального землеустройства решить аграрный вопрос в СССР было невозможно. Требовалось коренное улучшение семенного фонда.

Работа в этом направлении началась еще до революции, а в 1918 г. агроном Дмитрий Николаевич Бородин отправился в США с целью ознакомиться с организацией семеноводческого дела в этой стране и наладить обмен идеями и семенами между русскими и американскими учеными. Именно он, как оказалось, отыскав приехавшего в США Н.И. Вавилова, явился инициатором создания американского Бюро Института прикладной ботаники в Нью-Йорке. Изучив американский опыт интродукции культурных растений, Дмитрий Николаевич посчитал необходимым как можно скорее перенести его на родную почву в прямом и переносном смысле слова. Это не случайно: деятельность американцев на этом поприще оказалась весьма успешной. Если в середине XIX в. уровень урожайности зерновых в США мало отличался от российского, то за двадцать — тридцать лет ситуация разительно изменилась. К началу XX в. в стране практически не осталось старых, «доморощенных», сортов: весь посевной материал был завезен из заграницы и успешно районирован в подходящих для этого местах.

Программа действий Д.Н. Бородина коренным образом отличалась от планов Н.И. Вавилова. Согласно Бородину, требовалось закупать в большом количестве наиболее высокоурожайные сорта в развитых странах — прежде всего, в США и Канаде, наиболее сходных в природном отношении, — «акклиматизировать» их на опытных станциях, располагавшихся в основных зерновых областях СССР, и как можно скорее пускать в сельскохозяйственный оборот. По Вавилону, следовало поступать обратным способом: исследовать центры происхождения культурных растений (это в условиях XX в. — в основном экзотичные окраины), отыскивать архаичные сорта и на их основе путем передовых методов селекции создавать качественно новые сорта.

С точки зрения перспективы, его «теоретический» подход, возможно, дал бы требуемую практическую отдачу, но, судя по американскому опыту, программа Бородина позволяла добиться качественного перелома несколько быстрее. Глава Института *прикладной ботаники и новых культур* (как первоначально именовался ВИР) должен был, казалось бы, предпочесть путь более практичный и быстрый, но для Вавилова, ставившего во главу угла свои собственные научные интересы, такой подход был неприемлем: из-за этого его могли бы запросто понизить до должности заведующего какого-нибудь отдела истории культурных растений.

В итоге отдел интродукции в ВИР, ключевой с точки зрения вопросов *прикладной агрономии*, стал центром внутриинститутской оппозиции Вавилону. Э.В. Труски-

---

⁸ Данилов В.П. Насилие против насилия (Крестьянская революция в России. 1902—1922 гг.) // В.П. Данилов. История крестьянства в России в XX веке. Избранные труды. 4.2. М., 2011.

нов, признавая это, делает вид, что не понимает причины такого казуса. Вот характерный для его «стилистики» пассаж: «В самом ВИРе у него (Н.И. Вавилова — А.Ж.) также были как сокровенные враги, так и откровенные оппоненты. Среди них, *как это ни странно* (здесь и далее курсив мой. — А.Ж.), выделялись особой ретивостью руководители такого ключевого отдела ВИР, как отдел интродукции, — А.К. Коль, а вслед за ним Г.Н. Шлыков. Как так получилось, что первый и главный интродуктор страны не нашел общего языка и понимания именно в отделе интродукции своего института, — тема особого разговора. Вот уж поистине нет пророка в своем отечестве. *Многое, конечно, определялось своеобразными личными качествами оппонентов*, но в немалой степени их позиция и оппозиция *диктовалась извне*, требованиями государства немедленной отдачи от сельскохозяйственной науки»⁹.

Никаких фактов о каких-то ужасных «личных качествах» А.К. Коля и Г.Н. Шлыкова автор, *конечно же*, не приводит, но характерно, что многочисленные факты о методах проведения интродукции в США В.И. Пыженков черпал из книги Г.Н. Шлыкова «Интродукция растений» (М., 1936). Они не оставляют сомнений в том, что, во-первых, интродукция в США проводилась весьма продуманно и систематично¹⁰; во-вторых, отечественные индукторы были прекрасно осведомлены о том, как решается эта проблема в других странах мира; в-третьих, они оппонировали Н.И. Вавилу не из-за вздорности своих натур, не из-за *диктата государства* и не потому что были «лысенковцами»¹¹ или платными агентами НКВД, а из *принципиальных научных соображений*. Именно этим следует объяснять их докладные записки властям, именуемые обычно «доносами». Выносить однозначные суждения в этом вопросе можно будет только тогда, когда в свет выйдут исследования, *на источниках* характеризующие научную, общественную или какую-либо иную деятельность названных лиц. В этом отношении «свидетельства» лиц ангажированных, вроде М. Поповского и В. Сойфера, стоят немного¹².

Что следует из этих рассуждений? Во-первых, то, что критическое отношение к деятельности Н.И. Вавилова на посту руководителя Института прикладной ботаники и новых культур возникло бы рано или поздно у *любых* российских властей независимо от их политической «окраски» и степени авторитарности политического режима. Другое дело, что из этого автоматически не следовала необходимость в политической расправе над ученым и его соратниками со стороны тогдашнего советского руководства. В более лояльной политической обстановке все могло ограничиться отставкой. Во-вторых, не следует всех критиков Н.И. Вавилова огульно записывать в «лысенковцы» и навешивать на них всяческие ярлыки только потому, что они посмели не соглашаться с Вавиловым. Если гибель выдающегося ученого служит *единственной* точкой отсчета для оценки его деятельности и оказывается автоматически индульгенцией всем его поступкам, то обвинительный приговор для *всех* его оппонентов практически предопределен. Что это, как не своеобразный сталинизм наизнанку? Очень прошу понимать эти слова не в стандартном черно-белом формате:

⁹ Трускинов Э.В. Тени прошлого и настоящего...

¹⁰ С сожалением приходится признать, что я при подготовке своего очерка пошел на поводу у общепринятой точки зрения и тоже упомянул о бессистемности работы американских индукторов.

¹¹ Так их обычно характеризуют обычно публицисты, описывающие обстоятельства гибели Н.И. Вавилова, но на самом деле они наверняка были «бородинцами».

¹² Характерно, что мне не удалось найти в Интернете даже дат смерти Д.Н. Бородина и А.К. Коля, не говоря уже о характеристиках их научной деятельности: похоже, историков биологической науки это вообще не интересует.

они направлены не против Николая Ивановича Вавилова, а против его безоглядной апологетики и его безудержного очернения. Это справедливо и по отношению и к Трофиму Денисовичу Лысенко: его не нужно ни идеализировать, ни демонизировать. Надо, добывая новые факты, тщательно и добросовестно взвешивать их — и не превращаться ни в прокурора, ни в судью.

Но сейчас, по большому счету, не до этого. Настала другая эпоха, и по сравнению с ее потенциальными опасностями прежние колониальные, фашистские и сталинские зверства могут оказаться детской игрой. Созданы новые системы уничтожения и управления народными массами, и в этом отношении свою страшную роль может сыграть генетика, за соединение которой с селекцией активно выступал некогда Николай Иванович Вавилов. Не так давно такой «синтез» произошел — и появились генно-модифицированные организмы (ГМО). И это не принесло никому желаемого благоденствия: на сытом Западе повышать урожайность сельскохозяйственных культур давно не требуется. Как раз напротив, правительства, предпочитая поддерживать достаточно высокие цены на продукты питания, дотируют фермеров, чтобы они не производили «лишней» сельхозпродукции.

Если бы дело ограничивалось только этим, то было бы полбеды. Но ГМО способны стать тихим оружием массового поражения, способным за несколько десятилетий опустошить целые страны. Все зависит от того, какие именно гены будут «привиты» к нормальным продуктам питания. О том, что подобные планы глобального сокращения (уничтожения) населения Земли существуют и существуют уже не одно десятилетие, известно давно, и сильные мира сего уже об этом говорят в открытую.

Позволю себе процитировать американского политолога Уильяма Энгдаля, уже двадцать лет предпочитающего не жить на родине. В написанной два года назад статье «Билл Гейтс о «вакцине для сокращения населения»¹³ он сначала приводит слова из публичного выступления этого миллиардера-« филантропа» о финансировании программы по сведению к нулю углекислоты (???) к середине XXI века: для этого Гейтс среди прочего намеревается благодаря «новым вакцинам, здравоохранению, услугам в области репродуктивного здоровья» сократить население Земли на 10—15%¹⁴ — иными словами, массово убить в зародыше от 700 до 900 миллионов человек! Таким масштабам Гитлер и Пол Пот могли бы лишь позавидовать.

Далее Энгдаль сообщает следующее: «Один давний проект правительства США состоял в том, чтобы усовершенствовать генетически модифицированный сорт кукурузы — основной продукт в Мексике и многих других латиноамериканских странах. Эта кукуруза была протестирована в исследованиях, финансируемых Министерством сельского хозяйства США и небольшой калифорнийской биотехнологической компанией под названием "Эпицит". Объявляя о своих успехах на пресс-конференции в 2001 г., президент "Эпицита" Митч Хайн, указывая на свои поля ГМО-кукурузы, заявил: "У нас есть теплица с кукурузой, которая производит антитела против спермы".

Хайн объяснил, что они взяли антитела у женщин с редким состоянием, известным как иммунное бесплодие, изолировали гены, которые регулируют производство этих антител бесплодия, и с помощью методов генной инженерии, вставили их в геном обычных семян кукурузы для производства кукурузных растений. Таким образом, в действительности они подготовили скрытую контрацепцию, встроенную

---

¹³ URL: <http://www.warandpeace.ru/ra/exclusive/view/44971>.

¹⁴ Видеозапись выступления Гейтса см.: URL: http://www.ted.com/talks/bill_gates.html.
Внимание к пятой минуте его речи!

в кукурузу, предназначенную в пищу человеку. "По сути, антитела притягиваются к поверхностным рецепторам сперматозоида, — говорил Хайн. — Они прикрепляются и делают каждый сперматозоид таким тяжелым, что он не может двигаться вперед. Он просто трясется так, будто пляшет ламбаду". Хейн утверждал, что это было возможным решением проблемы "перенаселенности" мира. Моральный и этический аспект кормления этой кукурузой людей в бедных странах Третьего мира без их ведома как-то выпал из его замечаний.

Спермициды, запрятанные в ГМО-кукурузе, поставляемой населению голодающих стран Третьего мира благодаря щедрости Фонда Гейтса, Фонда Рокфеллера и AGRA Кофи Аннана, или вакцины, содержащие нераскрытые агенты стерилизации, — лишь два документально подтвержденных случая использования вакцин или ГМО-семян для "сокращения населения"¹⁵.

Это наверняка не единственный уже разработанный вариант массового уничтожения «лишних» людей. Проще всего закрыть на это глаза. Но не следует забывать, что для американских «сверхчеловеков» Россия — всего лишь необъятный источник сырья. А если они решат (или уже решили) освободить эту сырьевую базу от «лишнего населения»? Что делать в таких условиях российским биологам, особенно генетикам и селекционерам, лучше других сограждан представляющих, как можно скрестить ужа с ежом? От их позиции — неважно, «вавилонцы» они или «лысенковцы» — зависит очень многое.

Библиографический список

1. *Глуценко А.И.* О книгах профессора биофизики и молекулярной генетики В.Н. Сойфера «Власть и наука» и «Тень Ленина еш усыновила...» // URL: <http://rtg-risk.narod.ru/soifer.html>.
2. *Данилов В.П.* Насилие против насилия (Крестьянская революция в России. 1902-1922 гг.) // *Данилов В.П.* История крестьянства в России в XX веке: изб. тр. Ч. 2. М., 2011.
3. *Журавель А.В.* Лунно-солнечный календарь на Руси: новый подход к изучению // *Астрономия древних обществ.* М., 2002.
4. *Журавель А.В.* «Аки молния в день дождя». Кн. 1: Куликовская битва и ее след в истории; Кн. 2: Наследие Дмитрия Донского. М., 2010.
5. *Журавель А.В.* Николай Вавилов // *Наша история.* 100 великих имен. Вып. 69. М. 2011.
6. Николай Иванович Вавилов — ботаник, академик, гражданин мира. М., 2009.
7. Николай Кузанский. Сочинения. Т. 1. М., 1979.
8. *Сойфер В.Н.* Красная биология. М., 1998.
9. *Сойфер В.Н.* Власть и наука. М., 2002.
10. *Сойфер В.Н.* «Тень Ленина его усыновила...» (документальный детектив об одном Ленинском лауреате и советских генетиках). М., 2006.
11. *Тру скинов Э.В.* Тени прошлого и настоящего: современные попытки дискредитации научного и гражданского наследия академика Н.И. Вавилова // URL: <http://www.vir.nw.ru/books/Trul.pdf>.
12. *Энгдаль К* Билл Гейтс о «вакцине для сокращения населения» // URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/44971>.
13. *Энгдаль К* Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций. СПб., 2009.
14. Bill Gates on energy: Innovating to zero! // URL: http://www.ted.coin/talks/bill_gates.html.

---

¹⁵ URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/44971>. См. также: Энгдаль У Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций. СПб., 2009.

“AFTER FIGHTING”
(after-jubilee notes)

A.V. ZHURAVEL

Modern historians of biology who study the confrontation between N.I. Vavilov's followers and T.D. Lysenko should try to overcome political and methodological contradictions and their own antipathies. It is necessary to free from internal ideological and theoretical "scientific totalitarianism". Otherwise new generations of Russian biologists will not be able to oppose to external political threats —first of all, to the threat of GMO-transmutation into the new kind of mass destruction weapon.

Key words: N.I. Vavilov, T.D. Lysenko, ideologizing of science, methodology of science, introduction of cultural plants in the USSR, GMO as mass destruction weapon.

Информация об авторе

Журавель Александр Васильевич — журналист, историк; e-mail: ravell@yandex.ru.